

И.Г. Минервин

**ЭКОНОМИЧЕСКАЯ НАУКА В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ
И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ**

(Реферативный обзор)

Economics // Three social science disciplines in Central and Eastern Europe: Handbook on economics, political science and sociology (1989–2001) / Ed. by Kaase M., Sparschuh V. – Berlin; Budapest, 2002. – P. 26–203.

1. KOVACS J. M. Business as unusual: Notes on the westernization of economic sciences in Eastern Europe // Ibid. – P. 26–33.

2. WAGENER H.–J. Demand and supply of economic knowledge in transition countries// Ibid. – P. 195–203.

В серии статей рассматриваются состояние и эволюция на протяжении последнего десятилетия экономической науки в группе стран, определяемых в западной литературе как страны Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ) (Болгария, Венгрия, Латвия, Литва, Польша, Румыния, Словакия, Словения, Чешская Республика, Эстония).

Я.М. Ковач, профессор, член Венгерской академии наук, сотрудник Института гуманитарных наук (Вена, Австрия), посвятил свою работу анализу концепции «вестернизации» экономической науки в странах ЦВЕ. Говоря о сегодняшнем состоянии экономической науки в регионе, он отмечает, что различия в подходах к ее характеристике нередко сводятся к взаимным обвинениям со стороны старшего и младшего поколений ее представителей. По мнению представителей старших поколений, экономическая наука в регионе «затоплена» волной западного мейнстри-

ма. Это процесс «духовной колонизации», в котором участвуют «молодые аборигены», вернувшиеся после обучения на Западе и активно пропагандирующие в высших учебных заведениях стандартные неоклассические идеи «на уровне третьеразрядных американских университетов». Считая себя специалистами, постигшими вершины универсальной экономической науки, они являются лишь «плагиаторами своих идолов». Их основное занятие – разработка «чистых математических моделей... с несколькими переменными. Чистая методология, базирующаяся на шатком основании теории рационального выбора, предпочитается реальности... Если же они оставляют на какой-то момент чистую экономику и рискуют выступать в качестве адвокатов государственной политики, это сводится к использованию догматических неолиберальных доктрин в довольно агрессивной манере. В целом в новом авангарде господствуют снобизм, элитарная близорукость и профессиональный шовинизм» (с. 26).

Противоположное мнение молодых коллег состоит в том, что «в экономической культуре Восточной Европы все еще господствуют экстрематоры старого режима... тесно сотрудничающие с политической элитой... и подчиняющие экономику политике... Они заменили реформу трансформацией под эгидой весьма статичной версии социального рыночного хозяйства... Эти бывшие марксисты идеализируют словесные и исторические аргументы, туманные концепции и двусмысленные метафоры», склоняются к кейнсианству и государственному вмешательству (с. 26–27).

Автор указывает на искусственность такого разграничения. «Разве моделирование и неолиберализм логически связаны? Разве тяготение к Кейнсу означает забвение математического анализа?» Реальность не соответствует простым схемам. «Вестернизация» – термин, употребляемый лишь немногими экономистами, – означает на деле повышение профессионализма, применение более совершенных методов исследования, проведение четкой грани между теоретическими исследованиями и обоснованием политики.

В конце 80-х годов научное сообщество рассматриваемых стран весьма оптимистично оценивало перспективы вестернизации. Предполагалось, что: официальная коммунистическая политэкономия исчезнет, а экономическая концепция реформы сольется с западным неоинституционализмом, создав его особое, восточноевропейское направление; произойдет развитие «нормативной» теории переходной экономики в направлении «социального рыночного хозяйства»; активизируются исследования в русле стандартной неоклассической экономики, несмотря на

ожидаемую гегемонию институционализма; наряду с мейнстримом будут развиваться другие направления экономической теории; западная экономическая наука воспользуется научными идеями с Востока; в целом будет наблюдаться повышение качества экономических исследований.

Эти ожидания отражали определенную самоуверенность относительно позиций Восточной Европы на международном рынке экономических идей, перспектив сотрудничества и научного обмена с Западом, веру в возможности плодотворного взаимовлияния и взаимообогащения (с. 29–30).

Отвечая на вопрос, в какой мере эти ожидания осуществились за прошедшее десятилетие, автор считает необходимым прежде всего выяснить, в какой мере модель двусторонних отношений между Западом (а точнее, США) и Востоком соответствует действительному международному обмену экономическими идеями, т.е. определить состав участников процесса, называемого «вестернизацией». На стороне источников воздействия легко обнаружить целый спектр различных «западных» влияний (Чикаго, Кембридж, Фрайбург, Всемирный банк, МОТ и т.д.), на стороне реципиентов – различные страны, институты, группы ученых и т.д., которые могут демонстрировать совершенно различные подходы. Несмотря на возрастающее американское влияние на экономическое образование во всем регионе, восприятие западной научной экономической культуры может быть существенно различным. Благодаря глобальным научным связям и обменов, совместным исследовательским и образовательным учреждениям и программам становится все труднее определить, кто является восточноевропейским экономистом и в чем заключаются восточноевропейские экономические идеи.

Запад поставляет конкурирующие (а иногда и взаимно исключающие) идеи и школы или предоставляет Востоку широкий выбор теорий, к тому же нередко интерпретируемых и искажаемых различными посредниками (пример – Джеффри Сакс и его сомнительная роль популяризатора экономического либерализма). Посредником может быть и коллега из Восточной Европы (бывший эмигрант, гарвардский профессор или сотрудник Всемирного банка). Картину еще более осложняют появление европейских исследовательских сетей и неопределенность относительно интеллектуальной собственности на результаты их функционирования. Кроме того, пример возрождения австрийской школы в США показывает, что европейские идеи могут вернуться в Европу через американское посредничество.

Далее, отмечает автор, необходимо тщательно проанализировать сам процесс восприятия научных идей, поскольку их трансформация в этом процессе возможна и без участия посредников. Качество заимствуемых идей может ухудшиться, их содержание может существенно измениться. Получатель «научного товара» может симулировать восприятие с помощью риторики, частичного или эклектичного применения различных элементов (пример – восприятие парадигмы рационального выбора).

Суммируя наблюдения, автор приходит к двум возможным сценариям. Первый напоминает «постколониальную ситуацию неэквивалентного обмена, подражательства и макдональдизации». В этом случае «вестернизация означала бы всеобщее распространение экономических знаний из американского учебника (точнее, ее устаревшей версии) и полную ликвидацию старых университетских курсов обучения и как следствие низкое качество восприятия, делающее восточноевропейских экономистов неконкурентоспособными на глобальном научном рынке, и утечка мозгов из региона» (с. 31).

Другой, более благоприятный сценарий предполагает вместо «принудительной гомогенизации культур» сохранение традиций и компромисс, что может привести к возникновению гибридных явлений, дающих как содержательные и инновационные, так и непоследовательные и разочаровывающие результаты, соединяющие худшие черты обеих «научных миров».

Х.-Ю. Вагенер, профессор, декан экономического факультета Европейского университета (*European University Viadrina*), директор Института проблем трансформации (Франкфурт-на-Одере), анализируя «рыночную ситуацию» в области экономических знаний, обращает внимание на огромный всплеск спроса на образованных экономистов для рыночного хозяйства посткоммунистических стран ЦВЕ, вызывающий потребность в ответной реакции со стороны предложения. Если в сфере образования такая реакция в виде умножения числа учебных заведений, курсов и программ налицо во всем регионе, то в области научных исследований расширения научного потенциала не наблюдается.

Причиной существенного ограничения предложения является сложившаяся историческая ситуация: трансформация политической и экономической систем в странах ЦВЕ серьезно обесценила человеческий капитал и знания. Вагенер обращает внимание на характерное для региона различие между тем, что преподавалось как экономика, и тем, что рассматривалось как экономическая теория. Здесь можно выделить «откры-

тые страны, придерживавшиеся свободного от предрассудков или даже мнимого марксизма» (Венгрия, Польша, Словения), и страны ортодоксальной доктрины, не имевшие доступа к западной литературе и мотивации к ее изучению (Румыния, Болгария, СССР, в определенной мере Чехословакия после 1968 г. и, безусловно, ГДР). В «открытых» странах учебные программы основывались на парадигме марксистско-ленинской политической экономии, но исследователи были хорошо информированы о западных теоретических концепциях, хотя и не могли участвовать в их разработке, за единственным исключением – математической экономики, которая служила нишей для относительно свободного теоретизирования. Объем информации по теории мейнстрима, передаваемый на Восток по этому каналу, был весьма ограниченным.

В «закрытых» странах отсутствие доступа и интереса к западной литературе дополнялось отсутствием понимания как из-за языкового барьера, так и из-за терминологического и методологического несоответствия. Это вызвало значительные издержки, проявившиеся при смене системы, когда требовалось постигать новый язык. В открытых странах эти издержки были значительно меньше, и «марксисты» быстро и спокойно превратились в «монетаристов», демонстрируя, что «смена мировоззрения не мешает сохранению догматизма» (с. 197).

В переходный период ситуация, как правило, была следующей. Небольшое в целом число выпускников по экономическим специальностям были подготовлены в практической области и, в той или иной степени, в ортодоксальной марксистско-ленинской теории. Страдала аналитическая подготовка, экономическая наука концентрировалась на утилитарных вопросах «что» и «как», оставляя в стороне вопросы «почему». Проведенные исследования постреформенной ситуации позволяют сделать вывод о том, что в этом плане изменилось немного. В открытых странах имелось некоторое количество знающих экономистов в университетах и академических институтах, хорошо знакомых с западной теорией. В закрытых странах таких специалистов было значительно меньше. Это позволяет сделать вывод, что обесценение экономических знаний после смены системы охватило весь регион, но было менее острым в открытых странах среди академических ученых. В этой группе стран предложение рыночных экономистов было относительно большим. Отсюда вытекает гипотеза, связывающая с этим обстоятельством потенциальный успех трансформации, хотя утверждать факт непосредственной связи такого рода было бы, по мнению автора, преждевременным.

Пересмотр содержания экономики как научной дисциплины после 1990 г. поставил вопрос о ее преемственности и изменении. В большинстве стран региона импорт ноу-хау (за счет реэмиграции и временного приезда зарубежных ученых) был весьма ограниченным. Исключение составили Чешская Республика и Эстония. В качестве мощных источников внешнего влияния выступили международные финансовые институты (МФИ). Характерен пример Болгарии. Согласно отчету, в этой стране, которая в 1990-е годы служила полигоном для тестирования режима валютного управления, МФИ явились основным инструментом передачи экономических знаний. В этом смысле повторилась ситуация 1920-х годов, когда Болгария выполняла ту же функцию по отношению к стабилизационным займам Лиги Наций.

Как правило, пересмотр экономической дисциплины должен был быть осуществлен теми, кто получил свое образование еще при старой системе. Поэтому существенную роль сыграли и продолжают играть различия между странами, имевшие место в дореформенный период, когда экономисты, как правило, не были знакомы с западной экономической мыслью и не имели доступа к научной литературе и контактам. Материалы исследований, посвященных отдельным странам, содержат многие указания на преемственность «догматических истоков» или сохранение традиционного мышления, несмотря на видимые изменения содержания. Этого, по мнению Вагенера, можно было ожидать, «поскольку знания в значительной мере воплощены в человеческом капитале» (с. 198).

Например, в Румынии, которая была одной из наиболее закрытых стран коммунистического мира и где в 70–80-х годах гражданам страны запрещалась учеба даже в СССР, ощущался особенно острый недостаток экономических знаний. В переходный период молодежь устремилась на учебу за границу, но люди, отвечавшие за реформу, естественно, оставались дома и должны были обходиться теми знаниями, которыми располагали. Естественно, что они стремились превратить недостаток в достоинство и утверждали собственный румынский путь к рынку.

Значительно большая гибкость характерна для экономистов Словении, Венгрии и Польши, которые располагали более широкими источниками информации. Здесь, как отмечалось в ряде страновых исследований, естественным результатом смещения марксистской доктрины, настроенной, главным образом, на распределение, с неоклассической, настроенной исключительно на эффективность, и неоавстрийской, настроенной на конкуренцию и антиэтатизм, явился эклектицизм. В то же время

отмечается и появление «новых сильных ортодоксий», которые могли стать результатом «переизбытка нового знания и ограниченности интеллектуальной восприимчивости». В целом, однако, можно наблюдать здоровое разнообразие взглядов.

В области экономического образования универсальное значение приобрела дисциплина «экономикс», определяемая в содержательном плане англо-американскими стандартами. Лишь в некоторых случаях, а именно в Болгарии и Румынии, учеными, несведущими в стандартной теории, были сделаны попытки создания оригинальной теории трансформации. В целом тенденция совпадает с процессами, происходящими в Западной Европе, где местная учебная литература на национальных языках постепенно вытесняется англо-американской (в переводе или чаще на английском языке), что характерно не только для малых стран, но даже для Германии и Франции. Отмечается также аналогичная тенденция вытеснения чисто экономической тематики проблемами финансов и управления бизнесом. Если раньше экономико-математическое направление служило нишей, привлекавшей способных людей, интересовавшихся экономикс, а не политэкономией, то сегодня их выбор значительно шире, в том числе вне сферы академической науки.

Авторы исследования обращают внимание на повсеместное господство англо-американской модели свободной рыночной системы и преподавания англо-американской дисциплины экономикс при одновременном игнорировании «континентальной социальной рыночной экономики и ее теоретических основ, таких, как германская теория социальной политики (*Theorie der Sozialpolitik*). Это действительно удивительно, поскольку итоги трансформации значительно ближе к континентальной модели, чем к англо-американской... и поскольку в довоенный период экономическая политика и теория в большинстве из рассматриваемых стран были близки к континентальной традиции, преимущественно германской, которая в то время характеризовалась направленностью против свободного рынка, меркантилизмом, а также бисмаркианской социальной политикой» (с. 199).

Новый политический и экономический строй предполагает формирование новой элиты и в рамках этого процесса – изменение социальной значимости квалифицированных экономистов. Задачи, связанные с трансформацией и рыночной конкуренцией, выдвигают их на высшие посты. Это, в свою очередь, требует новой обучающей элиты, обладающей соответствующими научными знаниями. Переход к рыночной эко-

номике оказывается периодом небывалой роли экономистов в политике. Со временем эти нетипичные политики превращаются в типичные, примером чему служит карьера Людвиг Эрхарда в 1945–1966 гг. Страны ЦВЕ в переходный период также дают многие примеры такого рода (Бальцерович, Колодко, Клаус, Бокрош (*Bokros*), Дайану (*Dăianu*), Менсингер (*Mencinger*), Гайдар и др.). Вопрос о том, в какой мере эти явления способствуют укреплению статуса экономической науки, остается открытым.

Замена академических специалистов, так же как управленческой и бюрократической элиты, несмотря на значительные масштабы, является длительным процессом. Новая система требует большего числа менеджеров и специалистов нового профиля (аналитиков, налоговиков, консультантов и др.). Эта потребность и значительный разрыв в заработной плате ведут к массовой внутренней утечке мозгов из академической сферы в сферу бизнеса, по сравнению с которой внешняя утечка с количественной точки зрения оказывается несущественной. Это сопровождается соответствующими изменениями возрастной структуры. Спрос на специалистов в сфере образования не подкрепляется необходимыми финансовыми стимулами, по крайней мере, в государственном секторе. Те, кто остается в академической сфере, вынуждены преподавать в частных школах, заниматься консультированием и т.д. Отсюда нетрудно сделать выводы относительно профессионального уровня среднего преподавателя, а также о масштабах и качестве научных исследований (с. 200).

В области проблематики исследований во всех страновых докладах отмечается недостаток фундаментальных направлений, что вполне естественно для региона, «только что освободившегося от идеологической монополии и решающего почти неразрешимые текущие экономические проблемы». Лишь очень немногие представители экономической науки рассматриваемых стран (прежде всего Янош Корнай) были способны принимать участие в исследованиях в русле мейнстрима. Однако перед ними открывается возможность участия в новых междисциплинарных исследованиях, возникших в процессе изучения экономики переходного периода, расширяющих предмет экономикс и граничащих с правоведением, историей, социологией, культурологией.

Благодаря главным образом проблемной ориентации исследований в первой половине 90-х годов доминировала проблематика переходного периода, а во второй половине на первый план выдвинулись вопросы европейской интеграции. Острые дискуссии имели место по проблемам либерализации, стабилизации, приватизации, причем далеко не всегда в

русле Вашингтонского консенсуса. Несогласные мнения, как правило, базируются на теоретических концепциях кейнсианства или социализма. Важно, что содержание и стиль научных аргументов сближаются с западными стандартами.

Фундаментальные исследования, отмечает Вагенер, являются общественным благом, следовательно, на конкурентном рынке частных поставщиков и потребителей на него отсутствует платежеспособный спрос. Неудивительно, что частные учебные институты не занимаются фундаментальными исследованиями. Финансирование таких исследований – задача государства или общественных фондов, которым еще предстоит появиться. В государственных учреждениях учебная нагрузка, определяемая спросом, и огромный недостаток финансирования в сочетании со снижением интеллектуального потенциала в результате утечки мозгов и, как отмечается в обзоре по Венгрии, недостатком общественной культуры, ориентированной на научную деятельность, не оставляют места для фундаментальных исследований. Кроме того, отсутствует надлежащая оценка научного труда, являющего долговременным вложением с длительным периодом окупаемости (с. 201).

Практически все исследования, посвященные отдельным странам, констатируют вызывающее сожаление отсутствие разработок теоретических и методологических проблем и концентрацию ученых на политических проблемах. В то же время подчеркивается, что такое положение вещей вызывается объективными причинами. Экономика рассматриваемых стран идет по пути рыночной трансформации и европейской интеграции, по тому же пути идет и их экономическая наука. В краткосрочном плане совершенствование процессов принятия решений и развитие управленческих навыков зависят не от прогресса экономической науки, а в значительно большей мере от развития экономического образования. Необходимы люди, располагающие прочной базой имеющегося знания, а разработка новых теорий рассматривается как задача последующих поколений.